БОЯН РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Слушаем Алексея Ремизова: «Слово люблю, первозвук слова и сочетание звуков. Хочу писать, как говорю, а говорить, как говорится».

И Ремизов творил — самозабвенно, чаруя, завораживая своим словом.

«Чем дольше я живу, — подмечал Владимир Набоков, — тем больше убеждаюсь: *единственное*, что имеет значение в литературе, это (в той или иной степени иррациональное) *шаманство* книги; иначе говоря, хороший писатель — это прежде всего *волшебник»*.

Волшебник!..

Ремизов сам ощущал в себе эту магическую, колдовскую силу.

В одной из автобиографий он нам поведал: «Оттого, должно быть, что родился я в купальскую ночь, когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная собирается в купальский хоровод скакать и кружиться и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов, и две книги мои — “Посолонь” и “К Морю-Океану” — в сущности, рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимого — чертячьего».

Скромничает Алексей Михайлович, называя лишь две свои книги.

Сказовым, лирическим началом овеяно все его творчество.

Особое внимание, разумеется, писатель уделял собственно сказке, фольклорным сюжетам.

При жизни у него вышло восемьдесят три книги самых разных жанров. И более половины из них — сказки. Само собой, «приятели» его резвятся в них всласть.

И купальская память жила в нем извечно, многое объясняя в феерическом, колдовском его творчестве.

Когда герои его сказочного цикла «К Морю-Океану» — будущие персонажи русалии «Алалей и Лейла» — по весенней заре отправляются в свой полный приключений путь, они съедают *«по ложке змеиной каши, чтобы понимать язык зверей, птиц и цветов»*.

Подобно легендарному Бояну, наш автор, кажется, и сам умел слышать голоса птиц и зверей, и каждого цветка, и каждого дерева.

Слышал — и перелагал их на язык человеческий.

Чему же тут дивиться? Свою родословную он и вел от птички *ремеза:* «Фамилия моя происходит от колядной — о которой в колядах, древних святочных песнях, сложен стих — птицы *ремеза»*.

Это махонькая такая пташка, из рода синичек, с желтой грудкой — *«звонкая, звонче во всем бору не было птицы...»*

Маленькую взъерошенную птичку — будто кто, послюнявив ладошку, провел ему по голове снизу вверх — напоминал и сам автор. Птичку озорную, всю жизнь балагурившую, но — с чудесным, неподражаемым голосом. И пела она о том, как *«жить на земле человеком...»*

Кудесник слова, всю жизнь Ремизов черпал из фольклора, зачастую изустного, многозвучием и разноцветьем которого стремился обогатить беллетристику, влить в нее свежую кровь. При этом неизменно повторял, что не воскрешает какой-то стиль, а лишь следует *природному движению русской речи*, воспроизводя ее мелодию и лад.

В августе 1921 года жизнь Ремизова раскололась надвое: в день смерти Блока он, сорокачетырехлетний, покинул Россию, увозя с собой горсточку родной земли.

Позади остались Москва, озорное детство на задворках обширных найденовских владений — на Земляном Валу, на правом, пологом берегу Яузы. Затем — учеба в университете, участие в студенческой демонстрации, арест и *десятилетие* тюрем, этапов, ссылок, скитаний по провинциям.

Наконец, Петербург, каторжная литературная работа — и тридцать восемь опубликованных книг.

Впереди были Берлин и Париж, снова добровольная литературная каторга — без малейшей надежды на то, что хоть строка дойдет до родины. И еще сорок пять книг изданных и сотни рукописных книг-альбомов, иллюстрированных собственными рисунками.

Мудрый он был сказочник, Алексей Михайлович Ремизов.

Нас — по сегодняшнему рациональных, нетерпимых, не всегда сердобольных, — он пытается пробудить к *деятельному добру*, к состраданию чужой беде и боли.

Он учит *«жить на земле человеком»*.

И средство у него одно — его *слово,* слово-золото, слово-колокол.

И способ один — ожечь нас своим купальским огнем, заворожить музыкой и ладом своей речи.

Он умер холодным ноябрьским вечером 1957 года, восьмидесятилетним, одиноким, почти слепым.

Умер во сне, в доме на улице Буало в Париже — здесь он прожил последние двадцать четыре года своей жизни.

Похоронен на русском кладбище под Парижем — рядом с Буниным, Зайцевым, Лифарем.

В изголовье его могилы — русская белая береза. Шелестит тихо, чуть слышно. А он — он слушает ее шелест, ее музыку и — продолжает говорить с нами.

Незадолго до смерти он записал в дневнике: *«И с того света я хотел бы говорить с вами. Я буду говорить с вами, мой голос вы услышите в виолончели...»*

Мы слышим его голос — в виолончельной музыке его речи, в неизмеримой россыпи его словечек — звонких, веселых, чарующих, затейливых...

АДЕЛАИДИН ЦВЕТ

В повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» лакей спрашивает рассказчика:

«—Аделаидина цвета изволите галстух надеть или этот, с мелкими клетками?..

— Так этот галстух аделаидина цвета? — спросил я, строго посмотрев на молодого лакея.

— Аделаидина-с, — отвечал он с невозмутимою деликатностью.

— А аграфенина цвета нет?

— Нет-с. Такого и быть не может-с.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-с.

— Как неприличное? Почему?

— Известно-с: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть всякую последнюю бабу-с...

— Да тебя как зовут?

— Видоплясов».

В 1903 году Ремизов нелегально приехал из Киева в Москву (ссылка его закончилась, но проживание в столицах было запрещено) и прямиком, но с оглядкой направился к Брюсову, который в то время руководил главным периодическим изданием русских символистов — журналом «Весы».

Ремизов привез для публикации свои произведения.

Это был день похорон Чехова. Внимание охранки отвлекла многотысячная толпа провожающих писателя в последний путь.

Разговор с Брюсовым оказался коротким.

Поэт быстро перелистал рукопись. Возвращая ее Ремизову, изрек:

— Нам не подходит. На нашем *сером* (Ремизов мысленно определяет: «*европейском*») это ваше русское — заплата: кусок золотой парчи...

Эта *«золотая русская заплата»* будет преследовать Ремизова всю жизнь — множество раз ему откажут в публикации именно на этом основании.

Брюсовская *«парча»* навела Ремизова на изысканную ассоциацию: «И тут я вспомнил Видоплясова, его

галстук *“аделаидин цвет”*. Так повелось: все, что хотите, только чтобы звучало *“аграфенино”* на иностранный лад».

Мемуарный очерк ***«Аделаидин цвет (Валерий Брюсов, 1873–1924)»*** вместе с двумя другими очерками — ***«Демоны»*** и ***«Анафема»*** — под общим названием ***«Москва»*** Ремизов впервые опубликовал в журнале «Новоселье» (1949, № 39–41).

С 1942 года это издание выходило в Нью-Йорке, затем стало печататься и в Париже.

Ремизов включил ***«Москву»*** в последнюю свою автобиографическую книгу ***«Иверень»***, издать которую не смог.

Подготовленная к печати Ольгой Раевской-Хьюз, она вышла в Беркли (США) почти три десятилетия спустя после смерти автора, в 1986 году.

О книге, о ее названии речь пойдет у нас в главке ***«Иверень»***.

Комментарий к повести Достоевского поясняет: «Цвет аделаида — темно-синий цвет. Это цветовое обозначение изредка упоминалось в русской печати в 40–50-х годах XIX в., но затем забылось» (Ф. М. Достоевский, ПСС в 30 т. Т. 3. Л., 1972. С. 509).

Ну хорошо: темно-синий цвет.
Но почему *аделаидин?*
Кто эта *Аделаида?* Богиня древняя? Не припомню.
Да, есть город такой — чуть ли не в Австралии.
Конечно, в Австралии!..
Но при чем тут *цвет, темно-синий*?

Словарь Владимира Елистратова «Язык старой Москвы» сообщает:

«**Аделаида.** Цвет, близкий к пурпурному, вероятно, приближающийся к фиолетовому или синему.

Происхождение названия, вероятно, связано с женским именем (под влиянием популярной песни на слова стихотворения Ф. Маттисона “Аделаида”)».

Стихотворение немецкого поэта Фридриха Маттисона (1761–1831) «Аделаида» и впрямь было чрезвычайно популярно в свое время. На музыку его положил сам Людвиг ван Бетховен.

Да, цветовая гамма стихотворения изобильна, перевод Сергея Заяицкого (1893–1930) позволяет это ощутить:

Друг твой бродит один в садах весенних,
Нежным, чудным сияньем озаренный;
Свет сквозь ветки дрожащие струится,
Аделаида!

В ярком зеркале рек, в снегах альпийских,
В облаках золотистых в час заката,
В светлой звездной равнине блещет образ,
Аделаида!..

Парадокс: собственно *синего* цвета в стихотворении нет.

Но разве можно усомниться: локоны Аделаиды, конечно, белокурые, даже золотистые, а глаза — о, глаза! — разумеется, *синие*... Немка-с...

Невольно приходит на память бессмертная «Лорелея»:

...Очнись, неосторожный,
Ладью повороти,
И от беды, возможно,
Сумеешь ты уйти,
Спасешься от угара
И песен, и речей,
От синего пожара
Ликующих очей...

Вот она, настоящая Аделаида, не так ли?..

Имя переводчика «Лорелеи» не назову — из скромности.

АЛАЛАКАТЬ

В словаре В. Даля приводится слово *«алала»* — оно значит «вздор», «бессмысленная болтовня».

Отсюда и его производное — *«алалакать»*, то бишь нести всякую чепуху, балаболить.

В сказке Ремизова ***«Троецыпленица»*** (книга ***«Посолонь»***) после ритуального захоронения остатков курицы, принесенной в жертву, участницы обрядовой трапезы *«разводят бобы»* (будет главка в нашем словаре), кудахчут, как куры, *«алалакают»*.

Автор сказки пояснил: сотрапезницы причитают по съеденной ими курице, проще говоря — пустословят.

Продолжение следует.